

Л. А. Лещенко

Науч. рук. – Г. Н. Игнатюк, ст. преподаватель

ПРОБЛЕМА ОПОСРЕДОВАННОГО ПЕРЕВОДА С БЕЛОРУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Исследование посвящено проблеме опосредованного перевода художественных текстов с белорусского на английский язык, где посредником выступает русский язык. Автор анализирует возникающие при таком способе перевода неточности, в отдельных случаях приводящие к серьезным ошибкам. За основу для анализа были взяты примеры из произведений Ивана Шамякина, Ивана Мележа и Василя Быкова.

В настоящее время наблюдается заметное возрастание интереса зарубежного читателя к белорусской истории, культуре и литературе, в особенности к творчеству известных белорусских писателей. Следует, к сожалению, отметить, что лишь небольшое количество произведений белорусской классической прозы переведено на европейские языки и, кроме того, около половины из всех ныне существующих переводов выполнены методом опосредованного перевода, где посредником выступает русский язык. К сожалению, тема прямого перевода с белорусского языка практически не изучена.

Таким образом, адекватное отражение национально-культурных особенностей белорусского народа при переводе литературных произведений непосредственно с белорусского на иностранные языки приобретает все большее значение. Дальнейшее знакомство зарубежного читателя с лучшими образцами белорусской литературы в переводе, который раскрывает с помощью адекватных художественных средств этнические, культурные и исторические особенности белорусской нации, будет способствовать повышению мирового авторитета и престижа белорусской литературы и культуры. Материалом для данного исследования послужили произведения Ивана Шамякина в переводах Ольги Шарце, произведений Ивана Мележа в переводах Натали Ворд

и произведений Василя Быкова в переводах Алана Майерса.

Проблема достижения адекватности перевода художественного текста обусловлена сложной природой данного феномена, находящегося в зависимости от целого ряда факторов как интралингвистического, так и экстралингвистического характера, что, несомненно, воплощается в специфике деятельности переводчика.

Так, при переводе романа Ивана Мележа «Люди на болоте» [1; 2] достаточно часто встречаются лексико-семантические несоответствия. Это обусловлено наличием в романе большого количества диалектных слов и фразеологических единиц, характерных для Полесского региона, но не зафиксированных в словарях. Даже при дословном переводе на русский язык некоторые из них теряют свой смысл и связь с контекстом, при переводе же на английский и вовсе могут ввести читателя в заблуждение.

Так, например, поговорка *була ў старца торба*, употребленная в речи, означает недоверие к сказанному ранее. В русском языке для выражения смысла можно было бы подобрать аналогичный оборот типа *–Что ты сказки рассказываешь!* или более просторечное *–Хорош заливать!*, однако же переводчик, не распознав в данном выражении фразеологическую единицу, принял решение передать его на русский дословно, а именно: *–была у старца торба*.

– Я ж, можно сказать, вдовец. Ведь у меня была... женка!

– Была у старца торба!

– Нет, правда, была! В Мозыре, на службе! Черненькая, стройненькая, красивая! Винтовочка трехлинейная!..

В русском языке слово *старец* в первом значении означает уважаемого старика, во втором – пожилого монаха, и только в третьем значении – старый попрошайка, нищий, в белорусском же слово *–старца* в своем первом и самом распространенном значении даже в современном белорусском языке означает просто –нищий, без каких-либо указателей на возраст. Однако при дальнейшем переводе с русского на английский переводчиком была предпринята попытка передать данное выражение приемом калькирования: *There was an old man, and he had an old stick – Жил-был старик, и был у него посох*. В результате получилась бессмысленная для англоязычного читателя реплика, странным и нелогичным образом прерывающая диалог героев:

- *You could call me a widower. I have had a ... wife!*
- *There was an old man, and he had an old stick...*
- *No, I really have! In Mozyr, in the army! A dark little thing, slim and beautiful! My rifle!*

В тексте романа слово *старац* встречается также и в составе идиомы *старцам жыць, з перцам есці*, означающей хотеть иметь что-либо при отсутствии условий. В русском языке в сходных ситуациях говорят обычно *–Ишь, чего захотел!*, однако же в русском переводе мы находим выражение *голым жить, с перцем есть*, поскольку в русском языке обозначить понятие нищеты можно и при помощи слова *голый*, т. е. быть голым значит быть нищим. Но следует отметить, что в русском языке данная фраза не является идиоматическим выражением.

- *А мне что с того? Первые или последние... Были б по сердцу...*
- *По сердцу? Голым жить, с перцем есть!*

Вполне закономерным представляется тот факт, что при переводе с русского на английский переводчик не сумел распознать идиому в выражении *голым жить, с перцем есть* и перевел его как *go about in rags, with nothing to eat* (‘ходить в лохмотьях и голодать’), при этом коннотация завышенных запросов совершенно утратилась. Сумей он распознать фразеологическую единицу, он наверняка использовал бы английский аналог, например, *—That's a tall order!*

У белорусского регионального слова *присушыць* (‘приворожить, влюбить в себя с помощью колдовства’) в русском языке существует эквивалент *присушить*, который и был использован в переводе:

Чем больше Евхим украдкой смотрел на нее, тем больше сохло в горле, труднее было снова завязать разговор.

– *Ты вот – не такая... Другая!.. – выдавил он, стараясь говорить полушутя. – И что в тебе такое, чем ты меня присушила?*

– *Видать, что высох! Одни скулы!*

– *А то нет?.. Ты, видно, у глинищанской знахарки зелья такого взяла!*

Однако при последующем переводе с русского на английский, слово *присушить* было передано как *dry up* (‘высушивать’) вместо *bewitch* либо *charm*, т. к. переводчику не удалось различить слова *сушить* и *присушивать*, в результате чего у читателя может сложиться впечатление, что героиня в прямом смысле высушила собеседника:

– *What is it about you that makes me dry up completely?*

– *Um, completely dehydrated, are you? Cheeks like a mummy!*

Еще одним примером, иллюстрирующим неадекватность многоступенчатого перевода, является попытка передать на английский язык приемом генерализации понятия *дружкі* (‘подруги молодой во время свадебного обряда’) [3, с. 184] *i сяброўкі* как *friends*, несмотря на то, что в английской языковой картине мира существует понятие *bridesmaid* (‘подружка невесты’). В русском переводе эти слова звучали как *дружки* и *подруги*. Возможно, переводчик, не будучи хорошо знакомым с восточнославянскими реалиями, посчитал эти понятия синонимичными, либо же подумал, что слово *дружки* следует читать с ударением на последний слог (мн. ч. от слова *дружок* – друг), что и привело к опущению слова *дружкі* при переводе.

Иногда, несмотря на то, что лексико-семантическое значение слова адекватно отражается в переводе, обнаруживаются шероховатости в грамматике. Так, в повести «Знак беды» [4; 5], переводя название белорусской народной песни «*Купалінка*», переводчик, вероятно, не будучи знакомым с системой склонений белорусского языка, передал фразу *хваляюча-пявуча пацякла музыка колишняй любімай ёю «Купалінкі»* как *the melancholy melody of*

‘Kupalinki’, her one-time favourite, began to flow melodiously.

Обстоятельство *за паншчынай* (‘при крепостном праве, при барщине’) на английский язык было передано как *when the Poles ruled round here* (‘когда тут господствовали поляки’), что является исторической ошибкой, потому что крепостными были все крестьяне Российской империи до 1861 года. То, что можно было бы назвать

«польским владычеством», закончилось в 1795 году после третьего

раздела Речи Посполитой. Поскольку все анализируемые переводы были сделаны в 70-е годы XX века в Советском Союзе, вполне объяснимым кажется желание советских властей отделить и противопоставить советский народ, и в особенности белорусов, полякам и всему Западу в целом.

Реалия *шляхта* в произведениях белорусской литературы встречается достаточно часто. Например, в романе «Снежные зимы» [6; 7; 8] она встречается при описании *гонару* (‘гордость, спесь’) [3, с. 154]. Данная реалия передается на английский язык с добавлением этнонима *Polish*: 1) *упартасць і гонар, проста такі шляхецкі, як у маёй жонкі...* (‘упрямство и гордость, прямо-таки шляхетская, как у моей жены’) – *and your pride, a truly*

Polish pride like my wife's. ...и 2) гонару – што ў шляхцянкi слуцкай, у нашай Адаліны Аркадзьеўны (рус. «У меня гонора, что у шляхтянки слуцкой — у нашей Адалины Аркадьевны») – I've as much conceit as our Adalina whose forefathers belonged to the Polish nobility. Использование этнонима *Polish* («польский») является исторической ошибкой, поскольку понятие *шляхта* существовало и в Великом княжестве Литовском (предшественник современных Беларуси и Литвы), и в Королевстве Польском (предшественник Польши). Белорусы являются отдельной нацией, а употребление этнонима *Polish* размывает границы и вводит в заблуждение англоязычного читателя.

Таким образом, можно сделать вывод, что роль личности переводчика при переводе художественных произведений огромна, т. к., принимая то или иное решение при выборе способа перевода, переводчик должен ощутить себя частью той культуры, на языке представителей которой создано переводимое им произведение.

Практически все переведенные в XX веке с помощью языка-посредника произведения белорусской прозы требуют повторного перевода с белорусского непосредственно на английский, поскольку в советское время все они делались достаточно небрежно, с расчетом на понимание русскоязычным читателем многих белорусских реалий, и, как следствие, при многоступенчатом переводе зачастую искажался первичный смысл, вложенный автором в свой текст.

В современном мире многоступенчатый перевод, где адресат и адресант меняются ролями несколько раз, кажется нелепостью, ведь на сегодняшний день в нашей стране, как и во всех постсоветских республиках, достаточно высок уровень образования в целом и уровень подготовки лингвистов и переводчиков в частности. Однако, к сожалению, переводами белорусской литературы на европейские языки занимается пока лишь небольшое количество молодых ученых.

Сложившаяся ситуация, несомненно, требует скорейшего разрешения, которого можно достигнуть путем создания необходимых условий для подготовки соответствующих специалистов и активизации исследований в данной области теории перевода.

Список литературы

- 1 Мележ, І. П. Збор твораў: у 10-ці т. Т. 5. Людзі на балоце: раман
з
«Палескай хронікі» / І. П. Мележ. – Мінск: Маст. літ., 1981. – 415 с.
- 2 Мележ, І. П. Людзі на болоте. на англ. языке / І. П. Мележ.
– М.: Progress Publishers, 1979. – 494 с.
- 3 Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / НАН
Беларусі, ін-т мовазнаўства ім. Якуба Коласа; пад рэд. М. Р. Судніка
і М. Н. Крыўко. – Мінск: БелЭн, 1999. – 784 с.
- 4 Быкаў, В. У. Знак бяды / В. У. Быкаў. – Мінск: Мастацкая
літаратура, 1984. – 254 с.
- 5 Вуков, Vasil. Sign of misfortune / Vasil Vukov. – New York:
Allerton Pr, 1990. – 240 p.
- 6 Шамякін, І. Збор твораў: у шасці тамах. Том 5. – Раман і
аповесць: Снежныя зімы; Гандлярка і паэт. – Мінск: Маст. літ., 1979.
– 608 с.
- 7 Shamyakin, I. Snowtime / I. Shamyakin. – Moscow: Progress
Publishers, 1973. – 486 p.
- 8 Шамякин, И. Снежные зимы / И. Шамякин. – М: Советский
писатель, 1970. – 400 с.